Юрий БОНДАРЕВ

ВЫСОЧАЙШЕГО РАНГА МАСТЕР

«**Н**ОВАЯ журналистика» утверждает, что роман — это псевдореспектабельный жанр, что пора стереть его с лица земли, ибо современность диктует отказаться от изображения характеров и типов, от позиции мыслителя, учителя жизни, вместо этого писателю надобно присвоить звание репортера, умеющего сиюминутно отзвучивать на события.

Я вижу здесь утверждение поэзии факта, роль мига в веренице ежедневных происшествий, вижу здесь и попытку установить тиранию возлюбленной формы, где господствует магнитофон. Но повествовательная манера романа — не безнаказанный порок, не давняя причина художника, а форма перевоплощения многомерного и многоликого «я», которое способно предстать перед нами то Андреем Болконским и Иваном Ильичом, то Григорием Мелеховым и Мишкой Кошевым, то Вихровым и Грацианским.

Заметная черта мировой литературы 70-х годов — испытание потреблением вещей, сытостью, скукой, бытом, повседневными буднями. Однако смертельная схватка вещей и душ началась от века, с той поры, как возникли понятия «мое», «деньги», «власть» и «бог». Может быть, потому, что Достоевский мучительно чувствовал на себе вражду страшной действительности, он пытался создать в воображении собственный мир художественной гармонии. Она вырастает из борьбы и гибели. Многие его герои в саморазрушении строят себя.

В понятие «счастье» входит общественный опыт, который может или не может сделать героя счастливым. Движение леоновского персонажа — это путь к истине через преодоление подчас скорбных противоречий в своей душе, схватка плоти с духом.

Разве бывают у писателя сплошные победы? Не могу назвать у Леонова ни одной

неудачной вещи (хотя критика пятидесятих годов писала, что что-то он «не отобразил», «не показал»). Все они леоновские. Все они доведены до крайней грани заостренности мысли и чувства, где безраздельно правят человеческими судьбами огромный художник.

Что же такое «Русский лес»? Монороман? Центристский роман? Роман-предупреждение? Экологический роман? Если вспомнить эти роскошные, как неоновая парижская витрина, определения для данного жанра, то, поддаваясь ослепительным формулам международных дискуссий, я позволил бы себе назвать «Русский лес» романом-рекой с разной скоростью течения (скорость — как особенность конструкции). Между тем нельзя втиснуть прекрасное живое тело в любую структуру, не причиняя ему боли. Лучше всего избегать насилия, то есть стопроцентно точных в литературе заявлений — они, к несчастью, страдают манией самонадеянности или радостью ложного открытия.

«Русский лес» — одна из сверкающих мировых вершин романного жанра, которая еще недостаточно изучена и недостаточно понята, как, впрочем, и большинство значительных вещей, вырывающихся из времени. Если же придет пора для меры сравнений в литературах и определения истинной ценности истинных художников, то Леонов непоколебим.

Конвейерная беллетристика, красивенькая пустота («массовых» романов, стереотипность детективов из «черной серии», порнопохождения в комиксах, утилитарный стандарт мысли и чувств затмили яркую индивидуальность в искусстве Запада — и так началось разложение великой культуры. Нет нужды успокаивать себя и думать, что в невинных вариантах и вариациях это не угрожает опасностью, что ветры пошлости обошли нас стороной и мы сохраняем стерильную чистоту. В сегодняшних взаимоотношениях

обществ невозможно уберечься ни от планетарной эпидемии гриппа, ни от театральных мод, когда начинает уже казаться, что не в режиссера, а вообще во всяком человеке бушуют разрушительные инстинкты против естественности, ни от навязанных имен, этих искусственно сконструированных знаменитостей, ни от безвкусицы, выдаваемой за творение гения. И все-таки спасение культуры — в личностях подлинных художников, создающих ее.

Мы порой утверждаем, что каждый из нас вписывает свою страницу своей темы в книгу о нашем времени, как бы расширяя, увеличивая ее объем. Но коллективно нельзя создать ни «Войну и мир», ни «Братьев Карамазовых», ни рассказа «Архиерей» Чехова, ни «Худой травы» Бунина.

В искусстве никогда не имели серьезного значения число писателей, и количество страниц, ими написанных, и многообразием тем, ими охваченных. Нет, суть в ином. Оглянитесь назад, в глубину прошлого или в золотой девятнадцатый век — и после тщательного просева вы назовете не больше десяти—пятнадцати романов вселенского звучания. Посмотрите на литературу сегодняшнего дня — и вы насчитаете не больше десяти столбов (у нас и на Западе), которые с наибольшей силой выражают время и человека нашего столетия. Долговечность этих вещей прошлого и настоящего в том, что они создают силовое поле, и в том, что их литературные герои были, есть и будут современниками всего человечества.

На таких мастерах, как Леонов, держится и русская, и европейская культура.

Это писатель глубокой мысли, широчайшего диапазона, острого ума и беспощадного, всевидящего глаза. Он сознает не только, что страсти влекут всякого, но и то, что главные неврозы двадцатого века — зависть, самолюбие, обида — порождают новых тихих чудовищ, подобных Грацианскому.

Утверждение в настоящей прозе напоминает философско-этические знаки вопросов, поэтому проза истинная — не монолог, а диалог и в конце концов вносит в мироустройство условия целесообразности и смысла. Она спорит с древней и постоянно обновляемой формулой печального разочарования, которая в сути людского существования видит путешествие в пустоте, неизвестно куда и зачем.

Никто не может упрекнуть или обвинить писателя в том, что он болен радостью жизни. Однако эта болезнь не отрицает так называемой меланхолии, депрессии, «состояния расстройств эмоционального мира», ибо он не имеет права лгать, и противоречивая реальность проходит через художника и его героев, рана, как скажем, Федора Таланова или Вихрова.

Зло не существует отдельно, не существуют обособленно добро и красота. Не литература ли мышления должна учить думать над тем, что называется сложностью жизни?

Одномерность выражают таланты застенчивого свойства, что сразу же заметно в их однослойном стиле, где нет глубинных и встречных течений, холодных и теплых токов, алогичной логичности, грубости и нежности красок, переплетения, казалось бы, взаимоисключающих начал — света и тьмы.

Разъедающая ядовитость иронии разлита по страницам книг Леонова, достигшего в стиливой многослойности предельного мастерства, даже трагические сцены пропитаны ею, и это потрясает, как почасту и сатирическая интонация в насыщено-психологических главах.

Познать тайны писательской профессии можно не методом самонаблюдения, а каторжной работой, близкой остроты, на огромном строительстве города-романа, конструкции которого должны

выдержать «не меньше двадцати пяти лет». Об этом сроке прочности не раз говорил безжалостно требовательный к себе Леонов и добавлял затем, что трагедия художника — в несоответствии таланта тому, что он хочет сказать: талант обратно пропорционален его желанию.

И неповторимо самобытные художники имели своих учителей, но в общении с учителями они познавали самих себя. Повидимому, когда-то гений Достоевского (как и каким образом — объяснимо ли это?) открыл нечто молодому Леонову над бездной и светом человеческой души — и позже выработался новый великий писатель своего времени.

От популярности до славы и всеобщего признания — огромный путь, и этот путь прошел Леонов, высочайшего ранга мастер современной прозы.